

Девушка склонила голову набок. — Какая же ты странная. Старушке, которая тебе ничем не угрожает, готова угождать, а смерти и неизвестности не боишься. Если ты не боишься... я сделаю кое-что ещё.

— Вот несносная девочка. Почему вы все такие надоедливые? — Каждый норовит что-то с меня поиметь. До смерти надоело.

Девушка прикрыла рот рукой и рассмеялась. — Ты знаешь, что только что сказала? Очень обидные слова. Мне ещё никогда не говорили, что я плохая. Я передумала — не буду поглощать твою душу. Я сделаю так, что твоя душа будет вечно жить в состоянии, когда у неё всё отнимают. А когда уже нечего будет взять — сотру твою память и начну сначала.

Выражение лица Чжоу Ду изменилось, на губах появилась горькая усмешка, но страха не было. — Извращенка.

— Ой-ой-ой, какая не милая, — девушка прикоснулась пальцами к своему лицу. — Я пойду. Подумаю, как заставить твою душу бояться. Придумаю для тебя идеальный набор.

Примерно через полчаса вошла женщина.

— Ты самый спокойный человек из всех, кого я видела. Приносить тебя в жертву — даже жалко, — женщина наклонилась, приставив ноготь к щеке Чжоу Ду. — Какое красивое личико.

— Спасибо, — Ты хочешь мою душу. А что хочешь ты? Выходит, меня не готовили на корм этому большому парню?

— Раз уж ты такая смиренная, я не стану тебя мучить. Выпей это, — женщина протянула Чжоу Ду приманку.

Чжоу Ду выпила залпом. — Гадость редкостная.

Женщина, кажется, была польщена. — Для тебя я сделаю исключение — поставлю чёрную свечу, чтобы процесс прошёл без боли.

— Спасибо, — Чжоу Ду подняла голову. — Можно задать вопрос?

— Спрашивай, — женщина была в прекрасном настроении.

— Что ты получишь от меня? — спросила Чжоу Ду.

— Молодость. Каждая девочка дарит мне пятьдесят лет молодости. Не просто жизни, а сохранения моего нынешнего облика на пятьдесят лет. Поняла? Ещё вопросы будут? Если нет — я начну рисовать круг.

— Рисуйте.

Женщина с нежностью погладила Чжоу Ду по голове. — Какая славная девочка. Если в следующей жизни нам суждено встретиться — я подарю тебе бессмертие.

— Буду на вас надеяться, — улыбнулась Чжоу Ду.

Ритуал завершился. Чжоу Ду исчезла.

Перед исчезновением она лишь спокойно смотрела на Цин Юаня, на это огромное существо,

лишённое свободы.

Я освободилась. А ты?

Пусть даже мою душу заточат и будут пытаться — это уже не я. Я умерла в тот миг, когда родилась.

* * *

Тем временем Пэн Цзэфэн оставался невозмутим перед вопросами Юй Фэна. Спустя долгую паузу он ответил:

— Мы же изначально искали место, где можно переночевать? Вот я и остался.

— Тогда почему вчера в комнате, когда мы всё обсуждали, ты не сказал всего, что думал?

— Мы не затрагивали те аспекты, — *Да и я не хотел, чтобы ты знал.*

— Ты скрыл это от меня, потому что боялся, что я поеду спасать их и наделаю дел? А Молитву оставил снаружи, потому что там опасно?

— Не только. Как она и сказала — это могила. Сюда приходят те, кому суждено умереть. Возможно, плюс те, кто вошёл через чёрный ход. Чёрный ход означает короткий путь, а в некотором смысле — более быструю дорогу к смерти.

— К чему ты ведёшь?

— К теории предопределённости. Их смерть была предначертана. Мы — лишь зрители.

— Твоё мировоззрение становится всё более путаным. Ты говоришь столько разумных вещей, но неужели у тебя нет собственного, человеческого сердца? Нет своих принципов и убеждений? Даже если они были обречены, ты просто позволишь трагедии развернуться у тебя на глазах? — В голосе Юй Фэна звучало разочарование. Впервые он усомнился в решении Пэн Цзэфэна.

Неужели он и вправду холодный и бесчувственный тип, способный спокойно взирать на чужую смерть? Теория предопределённости... Какая чушь!

— И чем ты собираешься их спасти? — Пэн Цзэфэн задал этот единственный вопрос, произнеся его легко и без эмоций.

— Хотя бы предупредить — уже лучше, чем ничего не делать.

— Спасёшь их сейчас, а потом? Уверен, что они не умрут от заразы в больнице или не грохнутся замертво, споткнувшись на ровном месте? — Хотя это был риторический вопрос, Пэн Цзэфэн говорил ровно и монотонно, словно зачитывал справочные данные.

— Это не оправдание, чтобы не помогать.

— То, что они умрут, — не причина, по которой я обязан помогать.

Юй Фэн больше не хотел разговаривать с Пэн Цзэфэном. Он не понимал, почему его вера в него пошатнулась. Или, может, Пэн Цзэфэн всегда был таким, просто раньше обстоятельства этого не проявляли.

Пэн Цзэфэн произнёс:

— Видеть, как перед тобой убивают человека, который, возможно, и заслуживает смерти, а может, и нет, — я тоже не могу оставаться безучастным. Но то, что нас заперли здесь, — пожалуй, лучший выбор для нас обоих.

Юй Фэн усмехнулся. — Не зря психологию изучал. Даже самоутешение себе придумал.

Раз ничего нельзя сделать, значит, можно и ответственность с себя снять, так?

Пэн Цзэфэн, конечно, понимал, о чём думает Юй Фэн, но лишь сказал:

— Они вне сферы моих возможностей. Прости.

Пэн Цзэфэн знал, что никогда не был альтруистом. Вряд ли его вообще можно было назвать хорошим человеком, ведь он чувствовал ответственность только за своих друзей и пациентов.

Никто не в силах спасти каждого встречного. Он просто шёл по выбранному пути. С самого начала он не тратил лишних сил на тех, кто не был его другом. Позже, с началом работы, таких объектов, требующих внимания, стало больше. Честно говоря, Пэн Цзэфэн и сам удивлялся, что такой холодный человек, как он, смог справиться с этой работой и даже открыть свою эмоциональную, привязанную сторону для них.

Войдя в их мир, уже нельзя было выйти. Ведь из почти семи миллиардов людей на земле лишь единицы способны их понять, и среди этих единиц им встретился именно он.

Поэтому он продолжал следить за судьбой каждого своего бывшего пациента.

Как и за Юй Фэном и другими бывшими соседями по общежитию. Даже если теперь они были далеко друг от друга, он всё равно хорошо их знал.

Пэн Цзэфэн смотрел на Юй Фэна. Его непонимание было написано на лице.

Но Пэн Цзэфэн не стал объяснять. Он знал, что породило у Юй Фэна эту иллюзию, будто он — добрый и светлый человек.

Он не был таким. Он не мог быть настолько хорошим.

Юй Фэн молчал.

Холод уже не имел значения. Теперь его больше терзало сомнение в том, во что он верил.

Пэн Цзэфэн был тем, кому он доверял безоговорочно, на кого мог положиться полностью. Тот понимал его, и он понимал того. Но теперь, похоже, это стало прошлым: «Он *когда-то* понимал его».

Раньше он считал, что такое никогда не произойдёт между ними, ведь они идеально подходили друг другу. Если даже их дружба могла дать трещину, то что уж говорить о всём остальном мире.

Но теперь он понял: у Пэн Цзэфэна есть секреты, которых он от него скрывает, да и взгляды на вещи, оказывается, у них разные.

Юй Фэн заставлял себя смотреть на всё рациональнее, но пока не мог справиться с внутренним

смятением, а потому молчал.

Он не хотел ссориться с Пэн Цзэфэном, не хотел, чтобы между ними возникла пропасть. Как бы то ни было, он всё ещё хотел доверять ему полностью.

Их жизненные показатели продолжали падать. Лица, посиневшие от холода, стали малоподвижными. Нельзя было понять, о чём они думали, или не думали вовсе.

* * *

Молитва всю ночь обследовала виллу, а теперь пробиралась по вентиляционному каналу к холодильной камере.

Вот нерадивые хозяева, упустили момент — и вот они уже заперты... Такой бестолковый хозяин — позор для кошки.

* * *

Переднее здание виллы, первый этаж.

Бай Яо, нахмурившись, обратилась к Хуа Миняню, который по-прежнему был одет во всё чёрное:

— Может, всё-таки поищем Ли Вэнь и Чжоу Ду?

Фань Сысин, сменивший вчерашнюю белую толстовку на бежевое пальто, явился неспешно, лишь закончив завтрак, оставленный у двери. — Что, даже Чжоу Ду пропала?

Хуа Минянь кивнул.

— Тогда давайте разделимся и поищем. Я предупрежу ту девушку, а вы идите вперёд, — предложил Фань Сысин.

Бай Яо поколебалась. Сквозь беспокойство до неё наконец дошло, что бродить по чужому дому как-то неловко, но сейчас было не до приличий. — Спасибо.

Хуа Минянь молча последовал за Бай Яо. Было очевидно: если Чжоу Ду и Ли Вэнь не просто заблудились, то они в опасности, и разделяться никак нельзя.

<http://bllate.org/book/16276/1465600>